

В.И. Слуцкий

Природа ребенка и воспитание: антропологический дискурс

Какова природа ребенка и почему ребенок нуждается (и нуждается ли?) в воспитании? Без ответа на этот вопрос невозможны были бы ни психология, ни педагогика: действительно, любой ученый, педагог или психолог, всегда исходит из какого-то конкретного представления о природе ребенка, из какого-то определенного ответа на этот вопрос.

Число таких ответов весьма ограничено.

1. Ребенок – это маленький взрослый, это несовершенная копия взрослого. Так сейчас уже не думает никто, и эта точка зрения интересна лишь для историков науки.
2. Ребенок – это чисто биологическое существо, качественно неотличимое от животного, т.е. в духовном и воспитательном смысле – чистая доска, все человеческое в ребенке создается только воспитанием. Такова антропология Л.С. Выготского [1,с.317] и многих педагогов, например, А.С.Макаренко.
3. Ребенок – это качественно отличное от взрослого, особое существо, обладающее способностью саморазвития изначально заложенных в нем сил и способностей. Роль взрослого – «идти за ребенком», не мешать ему. Так видит природу ребенка, например, М.В. Осорина [7] и вместе с ней огромное количество психологов. Такая точка зрения фактически отрицает необходимость воспитания.
4. Ребенок – существо двойственное, природно-сверхприродное. Его человеческая сущность заложена в нем от рождения как потенция, которая может быть, а может и не быть развита, что как раз и зависит от социального окружения, т.е. от воспитания. Такой позиции придерживались, например, Я.-А. Коменский и А. Маслоу.

Вторая и третья точки зрения внутренне противоречивы. Действительно, если ребенок – чисто биологическое существо, и детеныш шимпанзе – тоже чисто биологическое существо, то почему невозможно воспитать человека из детеныша шимпанзе? Если здоровое развитие ребенка – это саморазвитие, то почему предоставленный самому себе (лишенный воспитания) ребенок крайне редко становится здоровой личностью и счастливым человеком?

В то же время четвертый подход (ребенок двойственен) пока недостаточно разработан: действительно, не совсем понятно, как может ребенок одновременно *уже быть человеком* – уже иметь изначально данную человеческую сущность – и в то же время *нуждаться в воспитании*, именно *для того, чтобы стать человеком*? На первый взгляд, эта позиция еще более противоречива, чем вторая и третья.

Наше предположение заключается в том, что парадоксальность четвертой антропологической позиции мнимая, и она может быть снята, если рассматривать ребенка одновременно в двух аспектах: **актуальном и потенциальном**. По нашему убеждению, только такое рассмотрение может быть истинным.

Что же это значит: рассматривать ребенка одновременно и актуально, и потенциально?

К.Чуковский в книге «От двух до пяти» приводит следующее наблюдение: маленькая девочка сидит за столом, перед ней вазочка с карамелью и одной-единственной шоколадной конфетой. Рядом взрослые. Девочка, обращаясь к своей маме, говорит:

- Мамочка, ты бери вот эти, красивые, а я уж возьму эту, грязную, - и делая гримасу отвращения, берет шоколадную конфету [2,с.521].

Как можно интерпретировать этот эпизод? Девочка, конечно, знает, что шоколадная конфета вкуснее, лучше карамели. Поэтому она и берет именно ее, а маме оставляет что похуже. Видимо, ее поступок мотивирован стремлением к своему удовольствию независимо от интересов и потребностей других (причем, самых близких) людей: в обыденной речи мы называем такое поведение «эгоистическим».

Известно, что психикой и поведением животных управляет как раз стремление к своему удовольствию: значит ли это, что девочка из примера К.Чуковского – чисто биологическое существо? Нет. Потому что девочка,

в отличие от животного, определенным образом объясняет (осознает) свое поведение, и именно потому, что она так его объясняет, она и способна так себя вести.

Что собой представляет это объяснение? Совершенно очевидно, что оно изображает ее поступок *как человеческий, альтруистический*. Зачем же это нужно девочке? Очевидно, дело в том, что у нее есть **потребность быть человеком**, она стремится быть человеком, но пока еще не умеет. То есть она пока еще не способна разобраться в себе, в своих побуждениях, понять другого и понять себя, она психологически не ориентирована на другого; наконец, ее биологический импульс пока не находится в подчинении у ее человеческих мотивов (вспомним сравнение Фрейда: конь и всадник – всадник в данном случае пока еще не умеет управлять конем). Поэтому фактически в основе ее поступка – биологический импульс, который сам по себе действительно неотличим от подобных же импульсов животного.

И все-таки поведение девочки – человеческое поведение. Ее духовное «я», очевидно, является центром внутренней жизни ребенка, и биологический импульс способен воплотиться в реальный акт поведения, только «нарядившись в шкуру духовности»: выступая от имени духовного «я» и таким образом забирая энергию духовного «я».

Это не значит, конечно, что биологический импульс способен обмануть человеческую личность: личность сама себя обманывает (способность ко лжи – одна из специфически человеческих способностей), чтобы избежать внутреннего конфликта, чтобы поверить в свою человечность, убедить себя в ней.

Если наше предположение верно, то мы сталкиваемся здесь (в поведении девочки) ни с чем иным как с сублимацией, - но если Фрейд считал, что «высшие» проявления человека возможны только потому, что они суб-

лимируют «низшие» биологические энергии, то здесь мы сталкиваемся с чем-то прямо противоположным: «низшие» эгоистические проявления оказываются возможны лишь потому, что они *сублимируют* «высшие» духовные энергии человеческого «я» (человеческой личности).

По-видимому, *стремление быть человеком – это самое сильное стремление человека*, и оно изначально, это изначальная потребность, заложенная в каждом человеке. Можно предположить, что если бы девочка смогла осознать истинные мотивы своего поведения, она бы уже не смогла так себя вести («...если бы все дело было в желании, то каждый человек был бы добрым,»- говорит И.Кант [4,с.384]).

Мы уже упоминали о Маслоу, так вот он как раз считал все потребности человека, в том числе и духовные, - врожденными [5,с.486].

Что это действительно так, заставляют нас думать многочисленные наблюдения над детьми, которые совершенно спонтанно стремятся вести себя по-человечески (например, помогать взрослым, совершать бескорыстные альтруистические поступки), хотя никто их этому не учил.

Итак, мы предполагаем, что ребенок рождается с уже имеющейся потребностью быть человеком. Но раз потребность *уже есть*, ее – *уже сейчас* – *нужно как-то удовлетворять*. Как удовлетворяет эту свою потребность девочка из примера К.Чуковского, мы видели: она это делает с помощью *самообмана*.

Нужно ли считать подобный способ удовлетворения своей основной духовной потребности нормой, или это патология?

С точки зрения христианства – это патология (порча). Действительно, трудно признать нормальным тот весьма эксцентричный психологический прием, при помощи которого человеческое «я» ребенка (т.е. личность) оказывается обманутым самим же собой, из-за чего попадает в подчинение к своим биологическим импульсам, фактически направляющим

поведение такого человека. Можно ли считать, что это для человека нормально?

Но в то же время можно ли считать любого ребенка патологическим существом? Ребенок – существо незрелое, он должен развиваться, чтобы стать человеком.

Видимо, та социальная ситуация, в которой оказалась девочка из примера К.Чуковского, пока еще слишком сложна для нее. Незрелое существо, оказавшись в ситуации, обычной для существ зрелых, по необходимости должно вести себя неадекватно этой ситуации.

И все-таки девочка не патологическое, а просто *незрелое* существо.

Самообман, таким образом, - это способ удовлетворения своей потребности быть Человеком *незрелой личностью*. Он для этого единственно и нужен. Ребенок стремится быть Человеком, но пока еще не умеет им быть. Но отложить удовлетворение своей основной потребности «до лучших времен» не может (потребность – по определению есть нечто, что должно удовлетворяться постоянно, в течение всей жизни) и поэтому удовлетворяет ее, как умеет.

Как видим, самообман необходим незрелому человеку: без него такая личность была бы ввергнута в состояние постоянного мучительного внутреннего конфликта, выдержать которое, конечно, не смогла бы.

Так что это отнюдь не патология, а только способ существования в процессе развития, на переходном этапе роста.

Наконец, мы подошли к самому главному. Конечно, это не патология, если ребенок постепенно учится быть Человеком^{*},

* Я пишу «человек» с маленькой буквы, имея в виду любого человека (в том числе и незрелого), и «Человек» с большой буквы, имея в виду только зрелого человека.

то есть нормально развивается как личность. Но что если он не развивается (а мы знаем, что это возможно)? Тогда он должен навсегда остаться таким, какой он есть сейчас. Он может стать биологически взрослым, состариться и умереть, так и не став Человеком, зрелой личностью. Его стремление быть Человеком может всю его жизнь проявлять себя лишь в рационализациях (самообмане). И вот это уже будет несомненной и крайне опасной патологией.

Тот же К.Чуковский обратил внимание на склонность детей к хвастовству [2,с.407]: ребенок способен хвастаться чем угодно, например, по наблюдениям К.Чуковского, некий маленький мальчик хвастал тем, что «у него на даче столько пыли!»! А другой – тем, что в его постели живут клопы (а у тебя нет – ага!). Это феноменально нелепо, но, заметим, ничуть не более нелепо, чем хвастать, например, тем, что я ариец, а ты нет; или тем, что у меня есть миллион, а у тебя нет; или тем, что я живу в «великой» стране, а ты нет и пр., - что так характерно для т.н. «взрослых».

Как объяснить этот феномен? Раз человек так себя ведет, значит это ему для чего-нибудь нужно. Для чего? Видимо, он удовлетворяет таким образом свою специфически человеческую *потребность в самоуважении*. Но за что ребенку себя уважать? Он пока еще ничего не сделал полезного и не умеет делать, он ничего еще не вносит в мир – он еще не зрелый Человек, не зрелая личность. Поэтому он изобретает эрзац-способ уважать себя за то, например, что у него в постели есть клопы (а у кого-то нет). Он уважает себя за то, что в чем-то превосходит других, тем самым унижая их. Он только так и может добиться самоуважения: унижая других людей. И это неизбежно для него – до тех пор, пока он не станет зрелой личностью, не научится быть продуктивным.

А что же «взрослый», который гордится своей принадлежностью к определенной нации и на этом основании презирает представителей других наций? Он тоже не научился быть продуктивным и, вполне вероятно, уже не научится. Вот в этом и состоит патология: в том, что по сути своей временное, переходное состояние становится постоянным – в том, что развитие прекратилось.

Детям, как отмечает М.В. Осорина [7,с.118], свойственно наслаждаться своей властью над кем-то, кто слабее их, кто находится в их полном распоряжении. По этой причине маленькие дети обожают лужи с плавающими в них крошечными живыми существами, по сравнению с которыми ребенок ощущает себя огромным и могучим, которых он может ловить и делать с ними, что захочет.

Видимо, у человека есть потребность быть сильным, но человеческой силы (продуктивности, способности творчески трудиться, заботиться о других, трансцендируя свое «я») у незрелого человека еще нет, поэтому он убеждает себя в своей потентности вот таким способом.

Есть у человека и такая потребность – верить в свое бессмертие и бессмертие самых близких людей, вернее, не верить только, а быть бессмертным. Но что такое духовное бессмертие, ребенок понять не в состоянии, поэтому он верит в физическое бессмертие, свое и своих родителей (об этом пишет К.Чуковский [2, с.486]). Нетрудно понять, что тот, кто способен поверить даже в это, может поверить во все, что угодно.

Неудивительно, что ребенок не различает плоды своей фантазии от реальных явлений и вещей и живет больше в мире иллюзий, чем в реальном мире (это отмечает, например, Е.В. Субботский [6, с.109]).

Все эти особенности ребенка, с одной стороны, говорят о том, что он человек: у него есть духовные потребности, есть стремление быть Человеком.

ком – но, с другой стороны, они говорят о том, что он еще не зрелый человек.

Что можно сказать о ребенке с точки зрения тех внешних обстоятельств, в которых он живет? Ребенок зависим от взрослых (не только материально: если представить себе ребенка-миллионера, то он точно так же неспособен жить без взрослых, без их заботы и любви), и он не умеет ничего производить. Фактически образ жизни ребенка – это *паразитизм*. Он живет за счет других. Он потребляет, но ничего не отдает. И иначе пока не умеет.

Так он может жить, пока он мал. Однако со временем ситуация меняется. Взрослая жизнь требует от взрослого человека продуктивности, ответственности,

профессионализма, он уже должен сам заботиться о других, приносить пользу, вносить что-то свое в мир, что-то создавать, быть самостоятельным и ответственным, конструктивно трудиться. Это совершенно иная социальная ситуация, и мы можем предположить, что воспитание как раз и заключается в том, чтобы, с одной стороны, ребенок постепенно включался в эту – взрослую – социальную ситуацию, когда ему *необходимо* учиться быть иным, чем он есть актуально; с другой стороны, это должно происходить постепенно, на доступном ребенку уровне сложности.

Уровень личностного развития человека – объективная категория. Такая же, как, например, обученность. Если я не умею играть на фортепиано, то не могу сесть и сыграть «Апассионату» – прежде мне нужно долго учиться. Точно так же незрелая личность не может существовать в условиях взрослой жизни, во взрослой социальной ситуации – это тоже объективно.

Ребенок стремится стать взрослым, но субъективно это *стремление стать другим*, иным, чем он есть сейчас; стремление к неведомому, к ка-

ким-то новым переживаниям, - это экзистенциальный поиск: ведь ребенок пока не в состоянии понять, что это значит – «быть взрослым». Это бессознательный импульс, исходящий из человеческого «я», врожденного каждому человеку. Без этого стремления нельзя стать зрелой личностью.

Но ею нельзя стать и без воспитания, поскольку именно воспитание направляет процесс развития в нужную сторону и обеспечивает его постепенность. Если постоянно не ставить ребенка во взрослую социальную ситуацию, когда ему необходимо осваивать взрослые типы деятельности, причем уровень сложности этих ситуаций постепенно растет (организовать же подобный процесс могут только и исключительно взрослые, притом, не биологически взрослые, а духовно взрослые) – то, очевидно, такой ребенок и не будет взрослеть.

Получается, что ребенок и саморазвивающееся (раз ему присуще самостоятельное стремление к развитию) и одновременно нуждающееся в воспитании существо.

Теперь предположим, что мы имеем такое общество, в котором нет ни одного (или почти ни одного) духовно зрелого человека. В принципе, такое общество вполне возможно: более того, многие современные социумы к нему очень близки.

Что же такое для человека такого общества **духовно зрелый человек, зрелая личность**? Если наблюдать ее, изучать ее он не может – за отсутствием таковой? А между тем, представление о том, что есть «зрелая личность» – это цель воспитания и личностного развития. Как же воспитывать, не зная, в чем цель воспитания?

Видимо, «духовно зрелый человек» – это *идея*, - если угодно, это *мечта*, это некий план, пока еще реально не воплощенный. Можно сказать, что это *замысел*.

Но человеческий ли это замысел, если он уже обеспечен врожденным человеку стремлением к развитию? Видимо, это замысел Бога.

Но будет ли он воплощен, если у людей нет этой цели, если они не разделяют этого замысла? Нет. Потому что тогда не будет второго компонента, без которого, как мы видели, невозможно полноценное личностное развитие человека, - воспитания.

Так что это и замысел Бога, и замысел человека. Замысел Бога должен быть понят человеком и стать и его замыслом. Тогда станет возможно полноценное личностное развитие большинства людей.

Но что же должно происходить в обществе, состоящем, в основном, из людей личностно незрелых? Очевидно, это будет социум, в котором искусственно воспроизводится *социальная ситуация детства*, поскольку только в такой социальной ситуации незрелая личность может хорошо себя чувствовать. Паразитизм, эгоизм, легкомыслие, самообман, склонность добиваться самоуважения за счет хвастовства и господства над другими – вот характерные черты такого общества.

Решающее значение для человека имеет процесс личностного развития, который обеспечивается воспитанием. Если его нет, то «вылечить» такого человека и такое общество невозможно.

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т., т.3. – М.: Педагогика, 1983.
2. Чуковский К.И. Собрание сочинений в 6 т., т.1. – М.: Худож. литература, 1965.
3. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2 т., т.1. – М.: Педагогика, 1983.
4. Кант И. Собрание сочинений в 8 т., т.7. – М.: ЧОРО, 1994.
5. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2000.
6. Субботский Е.В. Ребенок открывает мир. – М.: Просвещение, 1991.
7. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 1999.